

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПО ПОВОДУ
КРИТИЧЕСКИХ
ЗАМЕЧАНИЙ
АРЦЫБАШЕВА

Петр Андреевич Вяземский

По поводу критических замечаний Арцыбашева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24502424

Аннотация

«Вы говорите в письме своем во мне, что не могли ожидать умозаключений подобных моим после вашей Откровенной Исповеди. Во первых, скажу вам, что стихи мои были отданы в Телеграфе до появления 21 и 22 книжки *Московского Вестника*; но признаюсь вам также откровенно, что ни в каком случае сия так называемая исповедь, в которой не худо бы вам покаяться, не могла бы переменить мой образ мыслей. Сказав вам искренно мое суждение о критике г. Арцыбашева и о помещении оное в вашем журнале, позволю себе связать мое мнение и о вашей статье. В ней нет конечно неблагопристойности, подобно той, но есть явное неприличие...»

Петр Вяземский

По поводу критических замечаний Арцыбашева

(Письмо к М. П. Погодину)

Вы говорите в письме своем во мне, что не могли ожидать умозаключений подобных моим после вашей Откровенной Исповеди. Во первых, скажу вам, что стихи мои были отданы в Телеграфе до появления 21 и 22 книжки *Московского Вестника*; но признаюсь вам также откровенно, что ни в каком случае сия так называемая исповедь, в которой не худо бы вам покаяться, не могла бы переменить мой образ мыслей. Сказав вам искренно мое суждение о критике г. Арцыбашева и о помещении оное в вашем журнале, позволю себе связать мое мнение и о вашей статье. В ней нет конечно неблагопристойности, подобно той, но есть явное неприличие.

Начнем с повода, который весьма неудачно прибран. Письмо г-на Z есть или неловкий журнальный вымысел, или письмо дурака, на которое не следовало бы отвечать и которое тем более не следовало бы печатать. Ваше суждение о Карамзине такое, что едва ли Карамзин позволил бы себе объявить оное об вас: в ваших словах отзываются ободритель-

ная доброжелательность, покровительство, всегда неуместные, когда их выказывают, но тем более неприличные, когда дело идет о Кармазине. Извлекая сущность из всего сказанного в вашем ответе, выводится к чести Карамзина, что История его двенадцать лет не сходит с вашего письменного стола, а к осуждению его – он не живописец потому, что Олега его и Святославы ввита из Расиновых трагедий, что он не критик, не философ и проч. Что же, повторю, остается при истории, кроме чести быть настольною книгою вашею? Соглашаюсь с вами; что новое поколение учится лучше прежнего, что в Московском университете более студентов против прежнего, но признаюсь также: если преподаваемое ныне учение ведет к образу мыслей, изложенных вами, если оно ведет к тому, чтобы при весьма слабых правах в литературе говорить подобным дидакторским тоном о представителе нашего просвещения и образованности, то нельзя не пожалеть о худом направлении учения и не сознаться, что рассудительность, смирение и уважение к заслугам видно не приведены под итог преподаваемых наук. Вашу статью назвал один из беспристрастных читателей оной: злоупотреблением склонения личного местоимения я, – и это очень метко. Отдавая полную справедливость вашим дарованиям, нельзя не заметить, что приводимые на очную ставку с Карамзиным *ваш письменный столяр, ваше полное суждение об Истории Карамзина, ваша обязанность сказать о ней несколько слов,* все это очень неуместно и очень забавно, хотя и не весело

забавно. Не стану входить в подробное опровержение мнений ваших ни здесь, ни в печати. Неосновательность, опрометчивость, высокомерная невоздержанность оных кидаются в глаза. Вы предваряете меня, что будете отвечать на мои выходы: предваряю вас, что не буду отвечать на ваш ответ.

Для печати я все сказал, что почитал себя в праве и в обязанности сказать; в настоящем, частном объяснении моем дополнил я для вас сказанное мною прежде для печати. Я не мог удержать себя от желания подать по возможности свой голос в тяжбе, которую почитаю делом национальным. Публика, сей верховный присяжный суд, решит, кто из нас прав: вы ли и г. Арцыбашев, или я. Что же касается до того, что вы обо мне скажете, тут в глазах моих национальной и литературной важности не будет и, следовательно, ничто за живое меня не наденет: мнением же *Московского Вестника* в литературном отношении позволено не дорожить, когда видим, что в нем даже и по части слога судия Арцыбашев, а подсудимые Карамзин, когда в нем эпоха Карамзина названа междуцарствием литературным, а эпоха г-на Арцыбашева и ему подобных признается воцарением законной власти. Этот пример в силах притупить и самое раздражительное самолюбие авторское.

В отношениях частных и личных мне самому очень жаль, что я почитал себя обязанным резко противоречить вам, но вы признаетесь, что в эпиграмме и в примечании к эпиграмме нет места потворству и ласковым уверениям. Впрочем,

повторяю: я исполнил то, что почитал себя в праве и обязанности исполнить. Вы вероятно следовали тому же правилу: и так, мы оба правы, каждый перед собою. Не нам судить, кто из нас прав перед другим.